

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)08(094)

КАК ОБОЙТИ ЗАКОН: ВАРИАНТЫ ПЕРЕДАЧИ РОДОВОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

А. А. Крылова

Тверской государственной объединённый музей

В статье анализируется изменение российского законодательства в отношении прав передачи родовой дворянской собственности в XVIII – первой половине XIX в. Очерчен круг лиц, которым собственник мог передать свое родовое имущество законным путём. Поскольку в их число были включены лишь лица, связанные с наследодателем узами законного кровного родства, то зачастую желание владельца и его возможности в выборе наследника не совпадали. На основе документов автором статьи выявлены и проанализированы способы уклонения дворянами от передачи родового имущества законным наследникам в пользу незаконнорожденных детей.

Ключевые слова: *дворянство, наследственное право, наследование, незаконнорожденные, внебрачные дети, родовая собственность.*

История наследственного права получила достаточно полное освещение в российской историографии¹. Заложённая в работах дореволюционных историков тенденция к последовательному изложению содержания законов наблюдается и в современных исследованиях по истории права периода империи². Тем не менее, по мере изучения частных судебных дел, касающихся дворянской родовой собственности, возникает необходимость более детального рассмотрения отдельных законодательных актов и установления взаимосвязи их издания с сословной политикой государства.

Целенаправленное формирование дворянского сословия, активно продолжающееся в начале XVIII в., влекло за собой необходимость решения проблемы слияния вотчин и поместий в единый вид земельной собственности, а значит, и разработки новых правил владения и наследования. Объединив вотчины и поместья в категорию «недвижимых имуществ», Пётр I синтезировал существовавшие правила наследования: поместье, как условное владение на время несения службы, преимущественно передавалось старшему сыну вместе со службой отца; вотчина же была родовой собственностью, целиком находящейся в распоряжении владельца. Таким образом, со-

¹ См., например: *Загоровский А. И.* Курс семейного права / под ред. В. А. Томсинова. М., 2003; *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. М., 2006 Ч. II. Кн. 2: Об имуществах. Раздел третий; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. М., 2003. Часть вторая: Права семейственные, наследственные, завещательные; *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001.

² *Нижник Н. С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 111–198.

гласно указу «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»³ (известному в исторической литературе как «указ о единонаследии»), единственным наследником всего недвижимого родительского имения (родового и благоприобретенного) становился один из сыновей по выбору родителей. В случае, когда после умерших не оставалось завещания, наследником *по закону* становился старший сын (или дочь, если не было сыновей), а если не было детей – ближайший родственник.

По замечанию В. О. Ключевского, «при строгом проведении в жизнь закон раскалывал дворянство на два слоя, на счастливых обладателей отцовских гнезд и на обездоленных, безземельных и бездомных пролетариев, братьев и сестер, проживающих на хлебниками и на хлебницами в доме единонаследника или “волочащихся меж двор”». Понятны семейные жалобы и распри, какие должен был вызвать закон»⁴. 17 марта 1731 г. Анной Иоанновной был издан указ «О именовании поместий и вотчин недвижимым имением и о разделе оных между детьми по Уложению»⁵. Главным обоснованием необходимости этого указа были многочисленные попытки со стороны дворян обойти петровский указ. Принцип единонаследия упраздняясь, родителям предписывалось делить недвижимость между детьми поровну и давать дочерям приданое. При этом слияние поместий и вотчин в категорию «недвижимого имения» сохранялось⁶. Уложение не знало понятия «недвижимое имение», поэтому Сенату пришлось разбирать множество частных дел о наследовании и разделе имущества: почти все последующие постановления относительно наследования вплоть до издания Свода Законов основаны на разборе частных дел в высших государственных инстанциях.

Строгость закона не оставляла возможности более или менее свободного выбора наследников. Если указ 1714 г. давал завещателю право выбрать наследника среди ближайших родственников (например, среди сыновей), способных претендовать на наследство, то отменивший его указ Анны Иоанновны по сути не оставлял никакого права выбора: родовое имение вне зависимости от наличия завещания переходило тому (или тем) из родственников, кто мог претендовать на него *по закону*: если у собственника были дети, то родовое имение должно было быть разделено между ними; если же детей не было, имение переходило к ближайшему родственнику (или родственникам, находящимся в равной степени родства с умершим)⁷. Исключение по-прежнему делалось лишь для бездетных собственников, которые могли выбрать себе наследника из числа ближайших родственников, способных принять наследство.

Законодательством конца первой половины – второй половины XVIII в. было признано право завещать собственность, однако это право относилось лишь к благоприобретённому и движимому имуществу. Это значит, что из числа претендентов на наследование родового имения исключались

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. V. № 2789.

⁴ Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 529–530.

⁵ ПСЗРИ. Т. VIII. № 5717.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Т. VIII. № 5717.

супруги, родители, узаконенные или усыновленные дети, друзья. Супруги могли наследовать друг другу лишь в случае, если у них не было общих детей или детей от других браков⁸. Однако, получив родовое имение, супруг не мог им распоряжаться по своему желанию (продать, заложить, завещать), и после его смерти имение должно было вернуться в тот род, которому принадлежало. Родители также долгое время могли наследовать своим детям лишь в исключительных случаях, при условии, что у умерших детей не было наследников.

Поскольку законными наследниками признавались лица, связанные законными узами кровного родства с умершим, незаконнорожденные дети не могли наследовать родовое имение своих родителей. Этот запрет распространялся и на узаконенных детей. Конечно, дворянин мог просить о монаршей милости, но императоры настолько редко давали свое соизволение на узаконение дворянами внебрачных детей, что шансов добиться передачи законным способом родового имения незаконнорожденному ребенку практически не было. В начале царствования Александра I наблюдался целый поток просьб дворян об узаконении детей, разрешении им носить родовую фамилию и наследовать родовое имение⁹. Эти просьбы часто удовлетворялись императором, но узаконенным детям разрешалось наследовать родовое имение только своих родителей, но не родственников.

Указанные нюансы российского законодательства имеют огромное значение при объяснении довольно странных судебных тяжб, когда родственники умершего собственника обвиняют совершенно (на первый взгляд) постороннего человека в незаконном завладении их родовым имением.

Рассмотрим конкретные дела. Один из примеров – тяжба за родовое имение тверских дворян Свечиных в с. Дубровка Новоторжского уезда Тверской губернии¹⁰. Суть дела сводилась к тому, что последний владелец усадьбы – генерал-лейтенант *Никанор* Михайлович Свечин – завещал всё своё благоприобретенное имение Надежде *Никаноровне* Скоропадской, названной во всех документах его «воспитанницей»¹¹. Кроме того, Никанор Михайлович остался должен ей огромную сумму – 40 тыс. руб. серебром – по двум закладным письмам, выданным под залог родового имения. При этом стоит отметить, что Дубровка со всем строением была оценена всего в

⁸ ПСЗРИ. Т. V. № 2789. П. 9. Исключение было сделано в 1817 г. для сенатора Неплюева, чье завещание было утверждено императором (ПСЗРИ. Т. XXXIV. № 26678). Согласно завещанию, супруга сенатора получала в пожизненное владение все имение своего супруга, которое после её кончины должно было быть разделено между их общими детьми.

⁹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 59. Оп. 1. Д. 121, 134, 198, 226.

¹⁰ См. подробнее: *Крылов А. П., Крылова А. А.* Усадьба Дубровка и ее знаменитый хозяин Н. М. Свечин. Тверь, 2006; *Крылова А. А.* Генеалогические исследования рода Свечиных // Первый петербургский семинар «Тверской край в науке и культуре»: сб. науч. ст. / под ред. Ю. В. Кривошеева, В. М. Воробьева. Тверь, 2009. С. 223–228; *Её же.* Усадьбы рода Свечиных в Новоторжском и Тверском уездах Тверской губернии // Провинциальные дворянские усадьбы: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. И. Любина. Тверь, 2010. С. 285–291.

¹¹ ГАТО. Ф. 670. Оп. 1. Д. 9448. Л. 5, 6; Д. 10066. Л. 22.

16 тыс. рублей серебром¹². В права наследства после бездетного владельца должны были вступить его племянники, однако, узнав о том, какой долг «висит» на наследстве, они отказались от своих прав, имение было выставлено на торги, а затем перешло во владение кредиторши – Скоропадской.

Поначалу дело не вызвало никаких вопросов, даже несмотря на то, что среди документов было прошение наследников предводителю дворянства с просьбой разобраться в подлинности закладных. Однако следующий случай заставил начать активный поиск связи между закладчиками родовых имений и заимодавцами.

В 1842 г. Тверская палата Гражданского суда разбирала дело по жалобе Прасковьи Михайловны Змиевой на неправильное решение её тяжбы с Павлом и Григорием Агеевичами Свечиными. Братья обвинили Змиеву в незаконном завладении родовым имением их брата – *Михаила* Агеевича. Из дела ясно, что Михаил Агеевич в 1833 г. выдал Змиевой заёмное письмо на 25 тыс. руб., а в 1835 г. этот заём перевел в закладную на 40 тыс. руб. под залог своего родового имения. 10 марта 1838 г., за год до кончины, семидесятилетний старик решил совершить купчую на своё имение, продав его П. М. Змиевой за 26 100 руб. При совершении сделки закладное письмо было уничтожено. Наследники Свечина утверждали, что сделка была совершена «без денег», и Прасковья Михайловна осталась должна Свечину указанную в купчей сумму.

Сначала дело разбирал Тверской уездный суд, который признал Змиеву должницей наследников и обязал выплатить 26 100 руб. за купленное у Свечина имение в с. Богоявленском Тверского уезда и губернии, а также проценты с этой суммы, считая со дня смерти Михаила Агеевича. Посчитав такое решение несправедливым, Прасковья Михайловна подала жалобу в Тверскую палату Гражданского суда, в которой объяснила, что после продажи ей всего своего имения Свечин остался жить в проданном усадебном доме вместе со Змиевыми, а присутствовавший на похоронах его брат Павел в течение года ни разу не обратился с просьбой описать движимое имущество покойного и не предъявлял никаких прав на имение.

Можно пройти мимо подобного дела, если оно рассматривается в потоке документов. Однако невольно задаёшься вопросом: зачем нужно было молодой замужней даме, недавно родившей первенца (дочь Марию 16 марта 1837 г.¹³), брать к себе в дом абсолютно чужого семидесятилетнего старика, чтобы ухаживать за ним до конца его дней? Зачем давать в долг пожилому человеку сумму, которую тот не может обеспечить никаким залогом? Эти вопросы наводят на мысль о том, что между Прасковьей Михайловной и Михаилом Агеевичем есть какая-то более тесная личная связь.

По официальным документам Михаил Агеевич был холостяком и детей не имел: так обозначен его статус и в родословиях, и в исповедных ве-

¹² Там же. Д. 10920. Л. 5–17.

¹³ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15313. Л. 23 об.

домостях, и в его формулярных списках¹⁴. В ходе выявления информации о Прасковье Змиевой была обнаружена метрическая запись о бракосочетании её с бежецким помещиком Федором Филипповичем Змиевым, где она записана как «села Богоявленского господина помещика титулярного советника Михаила Агеевича Свечина вольноотпущенная девица»¹⁵. При этом необходимо отметить, что со стороны невесты одним из поручителей выступает Александр Агеевич Свечин – совладелец с. Богоявленское и родной брат М. А. Свечина. Крестными родителями первенца супругов Змиевых стали родной брат Федора Филипповича – Александр и Глафира Алексеевна Семёнова – дочь Марии Агеевны Свечиной, родной сестры Михаила Агеевича.

В исповедных ведомостях среди дворовых людей М. А. Свечина числится девка Марья Данилова и её незаконнорожденная дочь Параскева¹⁶. Конечно, подобные данные сами по себе не дают исследователю права делать какие-либо выводы относительно связи барина с его дворовой. Метрическая запись о рождении Параскевы не даёт сведений, позволяющих установить связь с помещиком Свечиным: в ней обозначены мать – дворовая девка Марья Даниловна и восприемница – её старшая дочь Матрена¹⁷.

При исследовании межевых планов с. Богоявленское и прилегающих пустошей выяснилось, что изначально разделенное на три части село позднее, в 50-х гг., было поделено на большее количество частей между несколькими владельцами, среди которых Свечиных уже не значилось. Одной из владелиц села названа Матрена *Михайловна* Мамлянская. В ходе поиска ответа на вопрос, каким образом к ней перешла часть Богоявленского, был найден формулярный список её мужа – Андрея Кирилловича, где отмечено, что он «женат на дочери титулярного советника Свечина Матрене Михайловой»¹⁸. Помня о том, что Михаил Агеевич умер холостым и бездетным, обращаемся к исповедным ведомостям за период, когда Матрена была ребёнком и должна была жить с кем-то из родителей. В ведомости за 1806 г. среди дворовых людей Михаила Свечина значится Марья Данилова и её незаконнорожденная дочь Матрена двух лет от роду¹⁹. Интересно, что в 1820 г. восприемником сына Матрены и Андрея Мамлянских – Петра – был именно Михаил Агеевич Свечин²⁰, а в 1825 г. он же крестил их дочь Александру²¹. Исходя из этих данных, можно с определённой долей уверенности утверждать, что и Матрена Михайловна Мамлянская, и Прасковья Михайловна

¹⁴ См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 17032. Л. 438 об; Д. 17041. Л. 311 об; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга: в 2 т. СПб., 1985. Т. 2. С. 201–203; *Чернявский М. П.* Генеалогия господ дворян, внесенных в Родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год с алфавитным указателем и приложением. Тверь, 1871. С. 170.

¹⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15308. Л. 976 об.

¹⁶ Там же. Д. 17041. Л. 311 об; Д. 17051. Л. 125.

¹⁷ Там же. Д. 15291. Л. 702.

¹⁸ Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 2495. Л. 3.

¹⁹ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 17012. Л. 182 об.

²⁰ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 2495. Л. 4 об.

²¹ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2495. Л. 5.

Змиева являлись незаконнорожденными дочерьми помещика Михаила Агеевича Свечина. Вероятно, об этом родстве знали и родственники (братья), и знакомые (церковный причт, приемники, друзья). Однако узаконены обе дочери не были, поскольку в документах не упоминается о родственной (хоть и незаконной) связи.

По межевым планам, составленным в 1860 г., с. Богоявленское было разделено между четырьмя владельцами: первая часть обмежевана за Правосковой Михайловной Змиевой²², вторая и пятая части – за Екатериной Павловной Давыдовой²³, третья и шестая части – за Елизаветой Павловной Безобразовой²⁴, четвертая – за Николаем Антоновичем Вейсом²⁵. Все эти четыре владельца жили в усадьбах, расположенных в этом селе. По данным исповедных и клировых ведомостей на начало XIX в. в приходе с. Богоявленское имелось четыре помещичьих двора: Иван Агеевич с женой и сыном и три его брата – Александр, Михаил и Павел – холостые, бездетные, каждый при своих дворовых людях²⁶.

В поисках информации о том, каким образом части села перешли во владение Безобразовой и Давыдовой, было обнаружено дело о продаже имения Павла Свечина за долги. В 1833 г. он дал заёмное письмо на 20 тыс. руб. ассигнациями Елизавете Павловне Безобразовой, а три года спустя ещё одно письмо на ту же сумму Екатерине Павловне Давыдовой и умер в 1839 г., разумеется, не заплатив долга²⁷. Единственные наследники его – брат Григорий Свечин и малолетние племянники – отказались от наследства из-за столь внушительного долга. И тут ситуация странная, похожая на описанные выше: одинокий дворянин преклонного возраста берёт огромный заём у молодых замужних дам под залог своего родового имения. В исповедной ведомости среди дворовых людей помещика Павла Свечина указаны вдова Татьяна Никифорова и её незаконнорожденные дочери Елизавета и Екатерина²⁸. Далее выясняется, что Павел Агеевич был крестным старшей дочери Екатерины Давыдовой – Елизаветы²⁹ и старшего сына Елизаветы Безобразовой – Петра. Причём в метрической записи о крещении Петра говорится, что приемниками были «Павел Агеевич Свечин и воспитанница его девица Екатерина Павловна Свечина»³⁰. Имеется также информация о том, что Екатерина Давыдова и Елизавета Безобразова – сестры: это следует из упомянутого дела о совместном наследовании ими каменного дома в Твери, завещанного им Татьяной Никифоровной Богоявленской.

Эти совпадения и денежный заём, превышающий стоимость имения Свечина, позволяют провести параллель с вышеописанными ситуациями и

²² Там же. Ф. 852. Оп. 26. Д. 267.

²³ Там же. Д. 268, 270.

²⁴ Там же. Д. 608, 271.

²⁵ Там же. Д. 269.

²⁶ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16487.

²⁷ Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 23366. Л. 1–1 об.

²⁸ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 17041. Л. 311 об.

²⁹ Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 980. Л. 19.

³⁰ Там же. Д. 274. Л. 3.

предположить, что Безобразова и Давыдова – незаконнорожденные дочери своего должника – Павла Агеевича.

Примечательно, что в судебных документах нет ссылок на родство незаконнорожденных дочерей не только с их благородными отцами, но и с матерями – дворовыми девками. Так, в деле об утверждении завещания мещанки Татьяны Никифоровны Богоявленской не упоминается о том, что обозначенные в её завещании Безобразова и Давыдова являются её дочерьми. Нет упоминаний об этой связи и в прошениях наследниц. В итоге завещание так и не было утверждено, потому что в нём не хватало подписи завещательницы или лица, её заменяющего, и законные наследницы, скрывающие своё с нею родство, остались не у дел³¹. Отсутствие ссылок на родство со своими благородными отцами объяснимо: во-первых, незаконное родство не давало никаких наследственных прав, поэтому упоминать о нём в официальных бумагах не было смысла; во-вторых, хотя подобные случаи (наличие незаконных детей) были распространены в дворянской среде, их старались замалчивать. То обстоятельство, что продажа имений «без денег» и займы совершались во всех случаях тогда, когда дочери уже вышли замуж, связано с наличием запрета недворянам владеть недвижимым имуществом³². Выйдя замуж за дворян, незаконнорожденные дочери следовали состоянию мужа и приобретали право владеть недвижимостью.

Описанные примеры являются иллюстрацией парадоксальной ситуации, когда морально-этические нормы эпохи, интересы государства и дворянства шли вразрез с интересами отдельных представителей благородного сословия. Строгость законодательства в отношении передачи дворянской родовой собственности и нерешенный вопрос о положении незаконнорожденных детей толкали родителей-дворян на поиск способов передачи имущества своим отпрыскам, а не законным родственникам. Игнорирование государством проблемы незаконнорожденных детей привело к тому, что родители пытались сами решить вопрос о статусе и правах таких детей: обеспечивали деньгами или имуществом в обход закона, дочерей выдавали замуж за дворян, сыновьям оказывали протекцию и старались пристроить на «хорошую» должность, чтобы у них была возможность службой повысить свой социальный статус.

Список литературы

1. *Загоровский А. И.* Курс семейного права / под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. Т. 2.
2. *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга: в 2 т. СПб., 1985.

³¹ ГАТО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 41721. Л. 32, 39.

³² Согласно указу 25 октября 1730 г. (ПСЗРИ. Т. VIII. № 5633), недворянам запрещалось владеть «поместьями и вотчинами, людьми и крестьянами», что было подтверждено указом 14 марта 1730 г. (ПСЗРИ. Т. XII. № 9267. п. 4). Право владеть населенными землями лицам всех сословий было даровано Александром I указом 12 декабря 1801 г. (ПСЗРИ. Т. XXVI. № 20075). Запрет на владение недворянами населенными землями и крестьянами был снят с отменой крепостного права.

3. *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. М., 2006. Ч. II. Кн. 2: Об имуществах. Раздел третий.
4. *Нижник Н. С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 111-198.
5. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. М., 2003. Часть вторая: Права семейственные, наследственные, завещательные.
6. *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001.

HOW TO EVADE THE LAW: THE ALTERNATIVES FOR TRANSFERRING ANCESTRAL PROPERTY IN RUSSIA, IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

A. A. Krylova

The Tver State United Museum

The article examines the change in Russian legislation with regards to the rights of transferring ancestral property in the 18th century and the first half of the 19th century. The author maps the range of persons to whom a property owner could transfer their ancestral property within the bounds of the law. Owing to the fact that this range only included those of legal blood kinship to the property owner, the owner's wishes were often did not coincide with their limited ability to choose a heir. Through the use of archive material, the author identifies and examines the methods employed by nobility to avoid transferring their ancestral property to legal heirs, for the benefit of illegitimate children.

Keywords: *nobility, inheritance law, succession, illegitimate children, children born out of wedlock, patrimony, ancestral property.*

Об авторе:

КРЫЛОВА Анастасия Андреевна – Тверской государственный объединённый музей, магистр истории, e-mail: gen_history@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.09.2012